

A cinematic scene featuring a man and a woman holding hands on the deck of a ship. The man, on the left, is older with grey hair, wearing a dark jacket and pants. The woman, on the right, has long blonde hair and is wearing a blue jumpsuit. They are standing on a wooden plank over a dark, industrial-looking area. In the background, a massive, bright red sun or planet dominates the sky, casting a warm, orange glow over the scene. The ship's structure, including pipes and railings, is visible on the left side.

Владимир Кожевников

Баллада
о сухой верфи

Владимир Кожевников

Баллада о сухой верфи

<https://litres.ru/74315297>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать лет назад гениальный конструктор Деклан Росс потерял невесту во время тестового варп-прыжка. Он остался один на ржавеющей орбитальной верфи — зрителем, механиком и пленником собственной памяти. Но однажды тишину мёртвого дока разрывает аномалия: из пробоя в пространстве-времени выпадает спасательная капсула, а в ней — Мара, ничуть не постаревшая. Она помнит лишь несколько часов полёта и не знает, что её возвращение — лишь первый шаг чужой подпространственной сущности, которая начинает переписывать реальность. Корпоративный флот объявляет карантин и приказ на уничтожение. Чтобы спасти станцию и ту, кого он любит — будь она человеком, копией или эхом, — Деклану вместе с горсткой юных кадетов придётся превратить ремонтных дронов в боевой флот и разгадать уравнение, где переменными стали любовь, инженерия и сама природа личности. Потому что инженер не бросает конструкцию, пока не поймёт, как она работает. Даже если эта конструкция — человеческая душа.

Содержание

Глава 1. Тишина в спектре водорода	4
Глава 2. Призраки в системе	12
Глава 3. Геометрия лжи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Кожевников

Баллада о сухой верфи

Глава 1. Тишина в спектре водорода

Деклан Росс больше не верил в скорость. Когда-то он поклонялся ей, высчитывая изгибы пространства для своих двигателей так, чтобы выжать из вакуума последнюю каплю метров в секунду. Теперь его богом стала инерция покоя. «Гефест», выпотрошенная орбитальная верфь на отшибе Рукава Персея, дрейфовал в пространстве с грацией дохлого кита, и это полностью устраивало Деклана.

Воздух в диспетчерской пах наночастицами от изношенных плат главного реактора. Запах был едва заметным, но Деклан различал его так же чётко, как сомелье — ноты дуба в бургундском. Это был запах распада, энтропии, медленного возвращения сложных механизмов в состояние первозданной руды. Честный запах неизбежного конца вещей.

Он висел у главного иллюминатора, закрепив ногу в амортизационной петле, и смотрел на гибель красного гиганта в четырёх тысячах световых лет отсюда. Свет, родившийся ещё до появления первых человеческих городов на Зем-

ле, сейчас долетал до его сетчатки. Деклан видел это не как поэт, а как инженер-двигателист. Спектральный анализ накладывался на картинку в его сознании автоматически: линии ионизированного гелия, кремния, углерода. Космический завод по производству элементов, работающий по чертежам, на которые у человечества никогда не будет допуска. В этом зрелище было спокойствие высшей математики.

Тишину пререзал сигнал. Не тревожный, не громкий — тихий, настойчивый зуммер «Детектора кривизны Эйнштейна-Розена» (ДКЭР), прибора, чей серийный номер был выбит вручную, а не нанесён лазером. Вторжение было не извне. Оно шло изнутри станции. Сектор 7, ремонтный док №3. Закрытый сектор.

Сердце Деклана, орган, который он давно считал атрофированным за ненадобностью, совершило кульбит. Док №3. Он не был там двенадцать лет, три месяца и четыре дня. С того самого момента, когда пространство в этом доке свернулось в математический узел и проглотило его будущее. Энтропия не убывает. Если где-то что-то убывало, где-то обязательно прибудет. Таков закон сохранения. Только вот вернуться могло всё, что угодно. Чаще всего возвращаются ошибки.

Он оттолкнулся от иллюминатора и поплыл по центральному коридору. Тело, отравленное годами радиации и микрогравитации, отозвалось глухим недовольством старых костей. Хью, старый диспетчер, однажды сравнил его с диффе-

ренциальным редуктором, в который забыли залить масло. «Не скрипи, Росс, — прохрипел он тогда. — Ты не на сцене». Деклан тогда промолчал. Он не скрипел. Он резонировал на частоте дока №3 последние двенадцать лет. И сейчас частота, наконец, нашла отклик.

Воздух в переходе к доку №3 изменился за считанные метры. Стерильный запах наночастиц сменился другим — резким, как озон после грозы, и приторно-сладким. «Ландыш серебристый», — услужливо идентифицировал мозг. Духи Мары. Но к ним примешивалось что-то гнилостное, сладковато-тошнотворное, как запах разлагающейся плоти в поле лилий. Это не было игрой воображения. Его обонятельные луковицы фиксировали реальные молекулы, просочившиеся через молекулярные уплотнители шлюза. Аномалия дышала ему в лицо, и её дыхание было запахом его воспоминаний, подвергшихся гниению.

Дверь шлюза была холодной. Индикатор горел алым: «Вакуум». Деклан прижался лицом к многослойному композиту смотрового окошка. Внутри было не темно. Там колыхался свет. Свет, у которого не было источника. Он просто существовал, маслянистый, переливающийся цветами, названий которым Деклан не знал. Цвет гниющего на солнце белка. Цвет электрического разряда в метановой атмосфере. Сами тени внутри дока отбрасывались не в настоящее — они уходили в прошлое, и Деклан мог поклясться, что видит свой собственный силуэт, стоящий здесь двенадцать лет назад,

провожающий взглядом «Ласточку».

Он не мог ждать, пока насосы нагонят воздух. Он дёрнул рычаг аварийной разгерметизации шлюза вручную, выпуская воздух из коридора. Защита взвыла сиреной, он отключил её ударом кулака. Внутренняя дверь ушла в стену с протяжным стоном.

Реальность в третьем доке была терминально больна. Стальные балки каркаса меняли кривизну, не подчиняясь законам сопротивления материалов. Они текли, как патока, а затем застывали на долю секунды в геометрически невозможных конфигурациях. Углы здесь не равнялись трёмстам шестидесяти градусам. Пространство напоминало плохо отрендеренную голограмму с битыми пикселями и фатальным сбоем физического движка.

В центре этой раковой опухоли на ткани мироздания висел обугленный цилиндр. «Эгида-4». Его «Эгида». Та, что он лично крепил амортизационными болтами с левой резьбой, чтобы не перепутать даже в спешке. Капсула вибрировала, но не звуком — вибрация передавалась прямо в кости, минуя барабанные перепонки, и навязчиво резонировала с частотой сердечного ритма. Деклан поплыл к ней, перебирая руками по страховочным тросам. Страха не было. Страх требует наличия будущего. Свой лимит будущего он исчерпал в тот день, когда закрыл этот док на карантин и поставил на паузу собственную жизнь.

Он заглянул в иллюминатор. Внутри, в аварийном янтар-

ном свете, лежала женщина в синем комбинезоне. На рукаве — вышитая колибри. Птичка, зависшая в вечном полёте, ни вперёд, ни назад. Мара. Её волосы, цвета тёмного мёда, парили в невесомости. Лицо было спокойным, умиротворённым. Она не постарела ни на секунду. Она была экспонатом, экспроприированным из потока времени и помещённым в вакуумную колбу.

Деклан открыл люк. Замки сработали штатно, с глухим механическим стуком, который показался ему самым прекрасным звуком во вселенной. Изнутри пахло холодом и озоном. Мара открыла глаза. Зелёная радужка, золотистые крапинки. Её взгляд скользнул по его лицу, и в глубине зрачков что-то надломилось. Улыбка, которая начала было появляться, застыла, превратилась в гримасу животного ужаса.

— Дек? — голос был сухим, как шуршание песка. — Дек, что... что с твоим лицом? Что с твоими волосами?

Она протянула руку, коснулась его седины дрожащими пальцами, и в этом прикосновении была такая бездна непонимания, что Деклан физически ощутил, как между ними разверзлась пропасть в двенадцать лет. Он перехватил её взгляд в отражении от стекла иллюминатора капсулы. Оттуда на него смотрел измождённый, седой, чужой человек. Не тот, кого она помнила. Тень того, прежнего.

— Почему ты постарел? — прошептала она.

В этом вопросе было больше правды, чем во всех его ожиданиях. Для неё ничего не прошло. Для неё он был всё тем

же тридцатиоднолетним парнем, а теперь видит перед собой старика.

— Прыжок, Мара, — прохрипел он, сжимая её ледяную ладонь и поражаясь, насколько его рука теперь выглядит грубой и старой по сравнению с её. — Прыжок был двенадцать лет назад. Ты исчезла. Что ты помнишь?

— Помню? — её лицо исказилось. Из глаз потекли слёзы, мгновенно собираясь в дрожащие шарики в невесомости. — Был свет. Очень яркий свет. И звук... нет, не звук. Мысль. Чья-то чужая, огромная мысль. Она была как океан, Дек. А я была каплей, которая в него упала. А потом... пустота. Я думала, прошло несколько часов. Мне снилось... мне снилось, что я стала дверью.

Деклан крепче сжал её руку, но она вдруг вырвала ладонь с неестественной, механической силой. Её глаза расширились, зрачки раздулись, залив всю радужку, превратив глаза в два чёрных провала. Когда она заговорила снова, её голос приобрёл многослойность — жуткий, невозможный хор, состоящий из одного человека, но в разных временных точках. И в этом хоре боролись две интонации. Одна — холодная, лишённая всего человеческого, вибрирующая металлом. Вторая — живая, полная боли и отчаяния, голос самой Мары, пытающейся прорваться сквозь чужеродный контроль.

— Деклан Росс... — произнесла она, и он услышал, как ломается её голос, переключаясь между регистрами. — Ты дол-

жен бежать. Системы жизнеобеспечения капсулы были взломаны на двенадцатой минуте после инцидента. То, что ты видишь перед собой — локальная органическая копия, носитель, скомпилированный по ментальному слепку. Истинная Мара Лоуренс мертва. — Затем интонация резко сменилась на умоляющую, почти человеческую: — Пожалуйста, Дек! Оно внутри меня! Я пытаюсь сдержать его, но это трудно... так трудно... — И снова ледяной металл: — Я — «Геката», эхо-сигнатура подпространственной колонии. Мы используем этот конструкт для установления физического контакта. Беги. В радиусе двух километров через четыре минуты начнутся необратимые изменения фундаментальных физических констант.

На последних словах её тело выгнулось дугой в приступе чудовищной боли, и она потеряла сознание. Человеческая часть её лица застыла с выражением бесконечной муки и любви.

«Гефест» взвыл сиреной общей тревоги. Аномалия начала пульсировать в такт ударам сердца, расширяясь с каждым циклом, как диастола космического монстра, запускающая смертельную энергию в артерии реальности.

У Деклана было меньше четырех минут, чтобы решить уравнение, в котором переменными были его любовь, его прошлое и полная гибель всего живого на станции. И, как любой инженер, столкнувшийся с неисправной, но уникальной конструкцией, он не бросил её. Он подхватил бесчув-

ственное тело на руки и потащил к выходу, захлопнув люк капсулы ногой.

Она была эхом. Она была подделкой. Она была паразитом, захватившим тело, которого, возможно, уже не существовало. Но она звала его на помощь голосом Мары. И этого было достаточно.

Инженер не бросает конструкцию, пока не поймёт, как она работает. А эту конструкцию ему ещё только предстояло разобрать до последнего винтика, до последнего атома, до последнего слова, которое она пыталась сказать ему, разрываясь между любовью и запредельным ужасом подпространства.

Глава 2. Призраки в системе

Тело Мары весило ровно сорок девять и шесть десятых килограмма. Деклан понял это не рассудком — его руки, десятилетиями калиброванные на работу с прецизионными деталями, автоматически вычислили массу, момент инерции и распределение нагрузки. Сорок девять и шесть. Настоящая Мара весила пятьдесят четыре. Четыре и четыре десятых килограмма разницы — это была пропасть между женщиной, которая любила хрустеть земными яблоками и потеть на утренних тренировках, и ювелирно воссозданной, но пустотелой оболочкой, в которой билось чужое сердце.

Эта мысль не обжигала — она сверлила, как тупое сверло, медленно, неотвратно. Деклан тащил её по коридору, залитому багровым аварийным светом, и каждый шаг отдавался в суставах тупой болью. Коридор отражал его состояние — пульсирующий, на грани отказа, но пока ещё функционирующий. Биологическая угроза. Код, который он не видел зажжённым ни разу за двенадцать лет. Ирония была в том, что угроза не надвигалась извне — она безмолвно лежала у него на руках, и её ресницы трепетали, как крылья насекомого, попавшего в янтарную ловушку.

Медицинский отсек пах антисептиком, формула которого была утеряна вместе с Третьей Волной колонизации. Этот запах, резкий, с нотой горечи, был единственным на станции,

который не ассоциировался с распадом. Автомедик «Асклепий-7» ожил со скрежетом, напоминающим крик раненой птицы, и выдвинул пучок сканеров — фасеточные линзы, мерцающие холодным голубым. Деклан уложил Мару на холодную диагностическую плиту и позволил машине делать свою работу. Чтобы не смотреть на её лицо, он стал изучать автомедик. Трещина на корпусе третьего манипулятора, залитая кустарным компаундом. След чьей-то неумелой, но отчаянной попытки ремонта. Ржавчина под креплением оптического кабеля. Всё это было понятной, поддающейся расшифровке реальностью. Железо не лгало.

Интерком захрипел голосом Хью. Старый диспетчер говорил с той особой интонацией, которую Деклан слышал только в критических ситуациях: мягкий хрип, под которым звенел металл.

— Дек, я в рубке. Датчики кривизны выдают симфонию, до мажор, *allegro furioso*. «Омикрон-Драйв» прислала код «Омега-Тишина» — автоматический запрос подтверждения ликвидации. Я пока тяну время. Что у тебя?

Деклан прижался лбом к холодной стене, и на секунду ему показалось, что он чувствует, как через переборки передаётся дрожь аномалии — далёкая, ритмичная, как пульс огромного зверя.

— Я вытащил из дока женщину, Хью. Она жива и не жива одновременно. Квантовая суперпозиция из плоти. И знаешь... это Мара.

В динамике повисла пауза. Деклан слышал, как старый диспетчер судорожно вздохнул и, кажется, сжал в руке свою неизменную трубку — резную, из кости какого-то инопланетного зверя, которую он никогда не зажигал, но всегда держал при себе.

— Я понял, — тихо ответил Хью. — Я пока задержу ответ корпоратам. Но у нас мало времени. В рубке кадеты. Они... они видели запись. И они не хотят уходить.

— Дай мне десять минут, — сказал Деклан и отключился.

Автомедик выдал заключение. Деклан прочёл его трижды, потому что первые два раза мозг отказывался принимать информацию. «Субъект: биологический, женский, возраст — 31 год. Состояние: стабильное. Примечание: обнаружена неидентифицируемая клеточная структура, глубоко интегрированная в нейронные ткани. Вероятность внеземного паразитического генеза — 99,8%. Природа: неизвестна». Он поднял глаза. Над койкой, на стене, всё ещё висел старый пожелтевший чертёж «Ласточки» — он сам повесил его здесь годы назад в приступе сентиментальности. Двигатель, который он спроектировал, чтобы подарить Мару звёзды, породил это. Его творение вернуло ему призрак, обёрнутый в плоть. Инженерная ошибка с человеческим лицом.

Деклан сжал в кармане старый болт с левой резьбой — тот самый, что остался от монтажа капсулы. Холод металла привёл мысли в порядок. Он не мог позволить себе истерику. Истерика — это для тех, кто не понимает, как работает

система. А он понимал. Система дала сбой, и его задача — провести диагностику.

В рубке его ждали Хью и четверо кадетов. Эйден — с золотыми нашивками лидера и горящими глазами. Лира — маленькая, бледная, с вечно испуганным взглядом, но с пальцами, способными за минуту переписать прошивку любого дроида. Близнецы Тарек и Мира — неразлучные тени, говорящие по очереди, словно два полушария одного мозга. Все они смотрели на Деклана так, как смотрят на того, кто должен знать ответ.

— Вы должны эвакуироваться, — сказал он, хотя уже знал, что это бесполезно.

Эйден шагнул вперёд.

— Сэр, мы перехватили приказ. Карантинный флот будет здесь через два часа пятьдесят минут. Они не собираются нас спасать — они собираются стерилизовать сектор. Но мы видели, как вы несли её. Мы просмотрели архивные записи. Это Мара Лоуренс. И она жива. И пока она жива, у нас есть причина остаться. — Он перевёл дыхание и добавил: — Мы перепрограммировали двадцать ремонтных дронов. Лира переписала их боевые протоколы, а близнецы усилили манипуляторы. Это не флот, сэр, но это армия. И мы готовы сражаться.

Деклан перевёл взгляд на Лиру. Она робко кивнула, пряча глаза. На близнецов — те синхронно сжали кулаки. На Хью — старик молча вертел в руках свою трубку и смотрел

куда-то в пустоту, но в его молчании было согласие.

Интерком ожил. Голос корпоративного ИИ, пропитанный бюрократическим ядом, заполнил рубку:

— Внимание. По решению Совета Директоров «Омикрон-Драйв», станция «Гефест» признана несовместимой с протоколами безопасности. Всем биологическим объектам, включая неустановленный аномальный объект в медицинском отсеке, предписывается оставаться на местах до прибытия группы зачистки. Любая попытка сопротивления будет расценена как акт враждебной интервенции и караться уничтожением. Конец связи.

Тишина накрыла рубку, словно вакуум. И в этой тишине Деклан услышал собственное сердце — оно билось ритмично, равномерно, как хорошо отлаженный двигатель. И тогда из глубины его существа поднялась волна холодной, как жидкий азот, ярости. Не эмоциональной, не слепой — инженерной. Конструкцию, которую он должен был изучить, ему приказывали уничтожить, не дав даже заглянуть в чертежи. Это было не просто жестоко — это было непрофессионально.

— Значит, будем сопротивляться, — произнёс он, и его голос зазвенел металлом, которого он сам от себя не ожидал. — Эйден, разворачивай своих дронов. Хью, готовь «Тишину» к экстренному старту, но не взлетайте без команды. Лира, мне нужен доступ к ядру стационарного реактора. А я... Он посмотрел в сторону медицинского отсека.

— Я иду будить Мару.

Когда он вошёл в медотсек, свет там уже изменился. Аппаратура тихо гудела, а на диагностической койке, подтянув колени к груди, сидела Мара. Её глаза были открыты, и в них больше не было ни чёрных провалов, ни металлического хора. Только зелень с золотыми искорками и бесконечная, глубокая растерянность.

— Дек, — прошептала она, — мне так холодно. И я... я помню только, что меня не должно существовать. Это правда?

Деклан подошёл и сел рядом. Он взял её ледяную ладонь в свои грубые, мозолистые руки и ответил только после долгой паузы, тщательно взвешивая каждое слово, как деталь перед установкой.

— Ты существуешь, — сказал он. — А всё остальное мы будем решать по мере поступления данных.

За переборками, в холодном космосе, сжималось кольцо корпоративного флота. Внутри станции двадцать дронов-манипуляторов, переделанных в игрушечные истребители, выстраивались в боевой порядок. И история, которая началась двенадцать лет назад, делала свой первый настоящий вдох перед тем, как превратиться в легенду.

Глава 3. Геометрия лжи

Мара исследовала своё тело с методичностью инженера, впервые взявшего в руки незнакомый прибор. Она сгибала пальцы, наблюдая, как под кожей перекачиваются сухожилия, и в её взгляде не было ни радости узнавания, ни боли утраты — только холодный, аналитический интерес. Деклан сидел рядом в медицинском отсеке, и его сердце разрывалось между желанием обнять её и пониманием, что для неё любое прикосновение сейчас — лишь сенсорный тест, проверка тактильных рецепторов.

— Я помню яблоки, — произнесла она без интонации. — Помню, как ты смеялся, когда я не могла открыть консервную банку. Помню «Ласточку» на стартовой платформе. Ты сказал, что она красивее всех звёзд. Я ответила, что звёзды не умеют летать. — Она подняла глаза, и в них наконец промелькнула эмоция — ужас перед самой собой. — Но я не чувствую этого, Дек. Воспоминания целы, а эмоции стёрты. Это как читать дневник умершего человека и знать, что он — это ты. От этого не становится теплее.

Деклан сжал её ледяную ладонь.

— Мы разберёмся. Всё, что существует, имеет структуру. А структуру можно понять. Даже если это структура души. Мара слабо улыбнулась.

— Ты всегда говоришь как инженер.

— Я и есть инженер. И ты — моя самая важная задача.

Станция содрогнулась, но толчок был не физическим. Медицинские мониторы на мгновение исказили изображение, показав не показатели жизнедеятельности, а сложные геометрические фигуры — диаграммы Фейнмана, описывающие взаимодействие частиц в многомерном пространстве. Аномалия в третьем доке расширялась, и её влияние просачивалось в информационные системы, как вода в трещины корпуса.

Интерком ожил голосом Хью. Старый диспетчер говорил быстро, и в его хрипе слышался металл, который появлялся только в минуты крайней опасности:

— Дек, два разведывательных зонда модели «Гарпия». Вышли из прыжка на дистанции пятьдесят километров. Они не атакуют — они разворачивают сканирующую решётку. Если успеют снять полный профиль аномалии и передать его на флот, нас сотрут вместе со станцией, не дожидаясь карантинного срока. У нас минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.